

A man and a woman are shown in profile, facing each other in a dark, industrial setting. The woman, on the left, has long dark hair and is wearing a dark jacket. The man, on the right, has short dark hair and a beard, also wearing a dark shirt. They appear to be in a tense or serious conversation. The background consists of dark, vertical panels, possibly part of a building or a vehicle's interior.

Дара Вейн

A woman with long dark hair is shown from the chest up, sitting in the driver's seat of a car. She is looking out the window with a serious expression. The car's interior is visible, including the steering wheel and dashboard. The background outside the car shows a blurred city street at night with warm lights.

Никогда

Дара Вейн Никогда

<https://litres.ru/74571524>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пятнадцать лет брака, одна командировка, шесть секунд в лифте и тридцать один раз, когда он сел в машину и поехал домой. Жена, которая перестала бояться и начала говорить. Женщина, которая ушла сама, чтобы не стать той, кем не хотела.

Роман о том, что верность — не свойство характера, а работа, которую делают каждое утро. И делают её втроём.

Его удержала не стена. Его удержало то, что дома перестали бояться.

Дара Вейн Никогда

Дара ВЕЙН

чёрная кошка со шрамом

НИКОГДА

роман

2026

Она написала это ночью, когда котята уснули.

— Никогда, — сказала кошка и помыла лапу, как будто поставила подпись.

ПРОЛОГ. ШЕСТЬ СЕКУНД

Лифт в бизнес-центре на Красном проспекте идёт с седьмого этажа вниз ровно двадцать четыре секунды. Глеб Савин знал это потому, что проектировал его в 2019-м: считал шахту, противовес, запас на обледенение троса зимой. Он вообще знал, сколько секунд нужно всем предметам, чтобы переместиться из одной точки в другую, и эту привычку считал почти болезнью.

В тот вторник в лифт вошла женщина с чертежной трубкой через плечо. Она пахла морозом, клеем и чем-то ещё — так пахнет бумага, которую только что достали из-под прес-

са.

— Седьмой?

— Седьмой, — сказал он. — Нажать?

— Вы же нажимаете за всех, — сказала она и улыбнулась так, что ему стало нечего возразить.

Между первым и вторым этажом она посмотрела на свои туфли, между вторым и третьим — на его руки, на безымянном пальце левой след от вдавленного перстня, а между третьим и четвёртым сказала: «Ужасно, когда человек умеет считать секунды». Не вопрос. Констатацию. Как будто заглянула в карман.

На седьмом она вышла, забыла планшет, вернулась за ним через две минуты и забрала вместе с планшетом шесть секунд — столько лифт стоит на площадке, пока он держит открытую дверь. Он потом считал их много раз, в темноте, глядя в потолок: шесть секунд в лифте и тридцать один раз, когда он сел в машину и поехал домой.

Он не собирался быть святым. Он собирался быть дома.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ТРИДЦАТЬ ОДИН РАЗ

Первый раз это случилось в сентябре, на парковке у «Сансити». Глеб сидел за рулём с заглушённым двигателем, и телефон лежал на колене экраном вниз, потому что на экране было сообщение от Вероники: «Я рисую мост, который ты отверг. Приходи посмотреть, я не кусаюсь».

Он думал о ней ровно столько, сколько человек может ду-

мать, не решаясь сесть за руль. Потом он подумал о Рите — не красиво, а бытом: она вчера трижды перекладывала его очки, потому что он клал их не туда, куда она ждала. Он помнил, куда он их клал. Он помнил это лучше, чем свой собственный телефонный номер.

Он завёл мотор, выехал с парковки и поехал домой, на Советскую.

Дома на кухне стояла колба с клеем, пахло пшеницей и старой бумагой — он остановился посреди фразы, потому что вслух это прозвучало бы как жалоба, а жаловаться на запах своей кухни он не умел.

— Ты рано, — сказала Рита, не поднимая головы от книги, у которой отвалился верхний блок. — Значит, или уволился, или принёс что-то вкусное.

— Второе, — сказал он и поставил на стол пакет. — Булочки с маком из «Назаровского».

— Тогда сядь и ничего не рассказывай, — попросила она. — Я доклею и сама спрошу.

Он сел. Он не знал, что это был тридцать первый раз с конца, и что потом будет ещё тридцать. Он знал только одно: в машине он всегда выбирает дорогу к дому раньше, чем успевает придумать себе причину.

ГЛАВА ВТОРАЯ. КУДА ОН ПОЛОЖИЛ ОЧКИ

Рита реставрировала книги в мастерской на Советской, в полуподвале с окнами вровень с тротуаром. Прохожие сверху казались ей людьми, идущими по плаху. Она снимала с

людей только обувь и только ту, что была не в деле.

Мужа она читала двенадцать лет и считала это своим главным профессиональным навыком — выше, чем умение держать иглу, выше, чем знание семнадцати видов клея. Она знала: если Глеб положил очки на верхнюю полку книжного шкафа, а не на стол, значит, сегодня он думал о деле сидя на корточках, а значит, дело плохое.

— Что, — сказала она в дверях мастерской, — опять арка?

— Арка, — согласился он.

— Хорошая арка или та, которую не пустят?

— Та, которую не пустят.

— Тогда не ври, что всё нормально. Иди домой, я приду в десять.

Он шёл до метро и злился — не на неё, а на то, что быть понятым до очков на полке невыносимо приятно, и это нельзя никому рассказать.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. «МНЕ НУЖНО», А НЕ «ТЫ ОПЯТЬ»

Они поругались в октябре, и ругались они не о другой женщине, а о лампочке. Точнее — о том, что Рита сказала: «Ты опять не купил», и в слове «опять» было пятнадцать лет, и в нём уже лежала вся возможность измены, хотя лампы там никогда не было.

Глеб поставил табурет посреди комнаты и сказал: «Сядь.

Я сейчас скажу гадость, но она правдивая, и после неё станет легче». Рита села на табурет напротив, поджав ноги, как садятся у костра.

— Когда ты говоришь «ты опять», — сказал он, — я ухожаю из дома на два часа. Не к кому-то. В машину. Я сижу и жду, пока ты закончишь говорить. Мне нужно, чтобы ты говорила «мне нужно». Это то же самое, только я успеваю вернуться.

— «Мне нужно», — повторила она и фыркнула. — Как в переговорах.

— Как в переговорах, — согласился он. — Мы женаты пятнадцать лет. Это самые длинные переговоры в моей жизни.

Она молчала очень долго. За окном шёл первый снег и ложился на подоконник неровно, кусками, как ложится правда.

— Мне страшно, — сказала она наконец. — Мне нужно, чтобы ты был дома, потому что я боюсь, что однажды ты не придёшь. И я говорю «ты опять», потому что «мне страшно» звучит так, будто у меня нет ничего своего.

Вот этого я и ждал в машине, — сказал Глеб и почувствовал, как у него дрожат руки.

Сначала купили лампочку, потом поели, потом легли, и только перед сном она сказала в темноту: «Если однажды тебе будет очень плохо — скажи. Не для того, чтобы я отпустила. Для того чтобы я знала, где тебя искать».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.